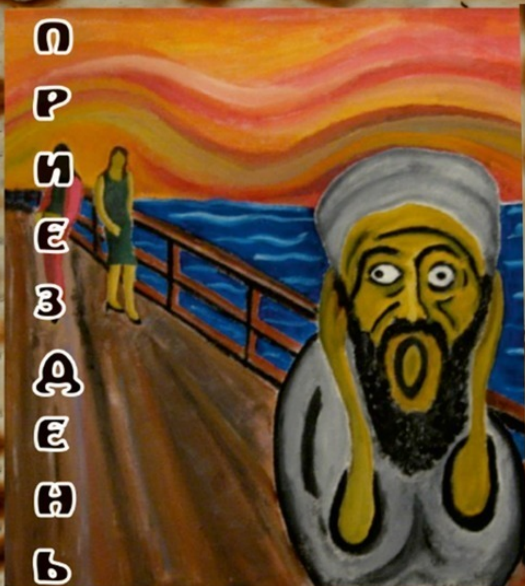

ПРИЕЗДЕНЬ

ПРИЕЗДЕНЬ

ПРИЕЗДЕ

ПРИЕЗДЕ

Ури Литвак

Ури Литвак Приездень

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23793231

ISBN 9785448505409

Аннотация

Автор размышляет о судьбе Израиля, принявшего «русскую» алию (евреев-репатриантов из стран теперь уже бывшего СССР). Речь идет о событии почти библейского масштаба, о втором Исходе. О такой теме – по традиции – можно рассказывать в жанре агады (сказки). Авторская агада получилась не совсем обычная – фривольная, модернистская, на грани фола – и при этом глубоко философская. А еще точнее – это крик души автора, трагический «Плач Урии»: «Глас в пустыне вопиёт: «НЕНАРОД стоптал НАРОД»!

Содержание

Фривольная Агада, или Можно ли стоптать народ...	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Приезденъ

Ури Литвак

© Ури Литвак, 2017

ISBN 978-5-4485-0540-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Author possesses all the rights. No part of the book may be produced in any form without author's written agreement

Все права принадлежат автору. Ни одна из частей книги не может быть воспроизведена в любой форме без письменного согласия обладателя прав.

«Большая Алия» глазами маленького еврейского мальчика, поимевшего детство и юность в «Отказе» в те не далёкие годы, когда еврейской её части Израиль был «даром не насъ», не еврейской – «даром не насъ» были евреи, а «Израилю», даже и не мечталось даром поиметь «большой» миллион.

Фривольная Агада, или Можно ли стоптать народ...

Автор площадного балагана об отце, сыне и Саре, балансируя на стыке трёх Пасх: иудейской, православной и «большевицкой» (с 22 апреля по 1 мая) обыгрывая как «Пасхальную Агаду», так и пасхальные же «Страсти», размышляет о судьбе Израиля, принявшего русскую алию, подводя в духе пророческой традиции, «на пороге третьего тысячелетия», всё обобщающий моральный итог. Речь идет о событии почти библейского масштаба, о втором Исходе, а значит – перед нами эпическая тема исторической значимости. О такой теме традиция позволяет рассказывать в жанре агады. Вот и автор называет свое произведение агадой, правда, это агада не совсем обычная, авторская:

Я в пример вам приведу
Се пасхальну агаду, —
Агаду прикольную,
Клёвую, фривольную...

Может ли агада быть фривольной? Вполне. Достаточно вспомнить средневековые кощунственные переделки священных текстов, совершавшиеся повсеместно. Кстати, агада – жанр достаточно свободный: действительно историче-

ские предания и легенды талмудической агады замешаны на фольклоре (хотя и приправленном нравственными поучениями). Для фольклора же, или традиционного Пурим-шпиля, нет ничего табуированного. Так что снижение жанра агады допустимо. Вот наш автор и пишет в духе фольклорной традиции, точнее, в духе фольклорного скоморошества. Напомним также, что стёб, гротеск, игра, в том числе использование фольклорных и модернистских приемов, – это черты и постмодернизма, для которого сакральное и профанное не обязательно жестко противопоставлены; одно вполне может превращаться в другое.

Что же заставляет автора выбрать такой стиль? Ответ очевиден: желание показать современный Исход как новую Катастрофу Израиля («Нынешняя Катастрофа – /Продолженье всем известной»). Стремление рассказать о том, что происходит с Землей Обетованной, когда ее наводняют «гояцкие Моисеи», люди, не имеющие никакого отношения к еврейству, («В братском панибратстве /Цимес нашей агады / Как залог счастья), а израильский «Закон о возвращении», «Закон-антисемит», как называет его автор, – позволяет это. Отсюда сюжет агады, отсюда её колоритные герои – «простые советские люди». «Два комсомольских вожака» Колян да Иван, вся их приклатнённо-райкомовская «братва», «непорочная дева» Сара, которую сначала «пользует» Иван, а потом в духе коммунистической и уголовной идеологии «обобществляют» все его дружки. Отсюда зачатый «в случке

свальной, непотребной» их сын Давид – «спаситель». Отсюда собирательные образы: это и «иудушка» – Сохнут, встречающий новую Алию и лобызаящийся с нею, это и сама Алия – «амнистированная по Закону» НАТИВом и этапированная из Совка в «Царство Божие», с подачи «братвы», Сохнутом – «смешанная и смешная» миллионная толпа. Отсюда и завершение сюжета, «воскресение» – соответствующее духу веселой скабрёзности:

Конец концу – гиюр! —
Стала Сара спозаранку
И... откусила Ваньке
встаньку!

Но, пожалуй, более всего, больше, чем сюжет, больше, чем непотребные герои, авторскую мысль выражает стиль агады, фривольный до скабрёзности, но и по-модернистски (и по-постмодернистски) изобретательный.

Итак, стиль. Разговорный, постоянно имитирующий «чужое слово», даже рязанское «яканье» главного героя: «По подруге я яврей». Автор использует устойчивые разговорные формулы, иногда пришедшие из фольклора. Включая их в речь повествователя, он придает им налет разговорности, создает эффект сказовости: «Жили-были – не тужили», «...хата, Коля, моя с краю», «Пробы ставить негде, да?».

Пожалуй, сказать об этом стиле «разговорный» – недостаточно. Это просторечие, в том числе грубая речь и даже об-

ценная лексика или ее имитация на фонетическом уровне. Вот и примеры.

Блатной жаргон: «Мы тебе, Ваню, не чмо...».

Неприличная лексика: «Распечатал вам подругу. /Надували все. /По кругу». Обсценная лексика: «Только тех, чья Сара мать, /На халяву абсорблядь!». Имитация обсценной лексики на фонетическом уровне: например, название буффонады – «Приездень». Можно, конечно, понимать его по-разному; вместе с тем очевидно, что оно вызывает не очень приличные ассоциации. Однако по ходу развития повествования появляется и другое слово с тем же корнем и уже иным значением: «При бездонной любви/ к большой приездне...»

В последнем примере неприличные ассоциации отходят на задний план, отходят с тем, чтобы через несколько строк всплыть снова; теперь они уже кажутся неприличными благодаря контексту:

Веселитесь, пойте, пейте
Из гранёного стакана,
За меня и мать твою,
За блатную-разбитную
Бой, за девку – Приездню!

А затем слово с тем же корнем появляется еще раз, теперь в окружении образов эротического характера:

Так засадим ж в дупло пень,

Как свалить было не лень
И отметим приезд-день!

Вот еще пример фонетической игры обценного характера:

Злачно-полевые
стебли,
В палестинах
ещё небли.

Подобных примеров из комедии можно было бы привести множество. Автор балансирует на грани фола, то и дело переступая границу дозволенного. Игра словами и их значениями, которую мы уже имели возможность наблюдать, происходит постоянно. Общеупотребительные выражения автор трансформирует в ироническом и резко сниженном ключе: «Что с того, если с водой, /Выплеснем жидёнка?», «Корней так много коренных, /Заветный ж у пейсатого!», «Быть тебе оппортунистом, /Православным сионистом!» Благодаря такой трансформации русская народная пословица, слова из песни советского времени, до сих пор воспринимающиеся почти как фольклорные, русская частушка – начинают звучать «с еврейским акцентом». Стиль, сочетающий несочетаемое, вполне соответствует содержанию: не случайно в интерпретации автора в результате этого соединения получается «полужидь». Израильская сторона и содержатель-

но, и в стилистике вполне соответствует этому продукту:

– Братки целы. Жидки сыты.
Все обуты, все умыты.
И ржал Сохнут
до самых слёз:
– Мы вам устроили
колхоз!

И всё же наступает момент, когда стилистические и аллюзивные кунштюки уходят, маска скомороха отбрасывается, – и в трагическом по своей интенции постскриптуме этой, по сути, «притчи во языцех», автор даёт прямую оценку происходящему:

Глас в пустыне вопиёт:
«НЕНАРОД стоптал НАРОД»!

Евгения Абелюк

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.